

Десять часов ровно, видеоконференция началась точно по расписанию.

На другом конце экрана молодой глава Шэнфан Био, Шэн Шаою, предсказуемо продемонстрировал свою неизменную строптивость. Стороны вновь зашли в тупик при оценке патентов на ключевые технологии, и в воздухе повисло незримое напряжение, словно перед боем.

В середине совещания объявили пятиминутный перерыв. В этот момент в дверь кабинета тихо постучали, и следом, сохраняя невозмутимый вид, вошел Хуа Юн с изящным кофейником и набором новеньких фарфоровых чашек.

Сегодня он явно приложил немало усилий к своему образу. Бежевый костюм идеального кроя выгодно подчеркивал его стройную, но при этом сильную фигуру. Как мужчина, маскирующийся под омегу, он нанес макияж безупречно: тот лишь выделил утонченность его черт, не придав им ни капли женственности.

От него исходил специально подобранный искусственный феромон — уникальный аромат, сочетающий в себе холод кедра и манящий мускус. С его появлением этот запах, насыщенный явным намерением, распространился по холодному кабинету.

— Господин Шэнь, господин Шэн, — его голос звучал чисто и ясно, но он намеренно замедлил темп, добавив в него мягкие, тягучие нотки, отчего речь приобрела особое очарование. — Вы, должно быть, устали от дискуссии. Я приготовил свежесваренную гейшу, надеюсь, это поможет вам взбодриться.

Говоря это, он подошел к Шэнь Вэньлану и слегка наклонился — ровно под таким углом, чтобы продемонстрировать изящную линию шеи, а затем грациозно поставил чашку рядом с рукой Шэнь Вэньлана.

Эта поза позволила приоткрыть кусочек подавляющего пластыря на затылке, который служил для маскировки, а намеренно выпущенный феромон с дразнящим подтекстом стал будто бы еще гуще. Взгляд, который он бросил на Шэнь Вэньлана, был полон тщательно выверенной смеси восхищения и близости.

Шэнь Вэньлан прекрасно понимал, что это игра. Спектакль, разыгранный для Шэн Шаою, который сейчас холодно наблюдал за ними по ту сторону экрана. Как посвященный в детали союзник, он принимал и допускал подобную степень актерства, чтобы поддержать план Хуа Юна против Шэн Шаою.

Однако в тот самый миг, когда Хуа Юн приблизился, когда этот уникальный, агрессивный искусственный аромат коснулся его ноздрей, а сам он одарил его многозначительным взглядом — спина Шэнь Вэньлана едва заметно напряглась.

Эта сцена!

Угол, под которым наклонился Хуа Юн, этот целенаправленно созданный, настойчивый запах, сигналы, передаваемые его влюбленными, манящими глазами... всё это до пугающего точно совпадало с размытым фрагментом его кошмара, в котором Хуа Юн взаимодействовал с ним подобным образом!

В том хаотичном сне, казалось, тоже были моменты, когда Хуа Юн намеренно приближался, демонстрировал свое обаяние и пытался создать двусмысленную атмосферу. А он сам во сне — то отвечал холодностью, то, следуя какому-то плану, позволял этому происходить...

И затем, во время или после этих сцен, он всегда смутно ощущал взгляд со стороны, из-за спины — взгляд, в котором чувствовалось подавляемое, яростное напряжение... Владелец этого взгляда был полон почти отчаянного...

Взгляд Шэнь Вэньлана, словно ведомый невидимой нитью, резко метнулся к Гао Ту, который неподвижно стоял в тени в углу кабинета.

Гао Ту слегка опустил голову, его глаза были устремлены в планшет, он казался полностью сосредоточенным на записях ключевых моментов совещания, а черты его лица оставались привычно спокойными и невозмутимыми.

Но Шэнь Вэньлан, благодаря выдающейся наблюдательности альфы, отчетливо заметил: рука Гао Ту, не державшая планшет, едва заметно сжалась в кулак. Кончики пальцев с силой впились в ткань брюк, и от мгновенного напряжения костяшки пальцев побелели.

Это было мимолетное, почти неуловимое движение. Но оно, словно точный электрический разряд, ударило по некоему переключателю в глубине памяти Шэнь Вэньлана!

Казалось, он замечает такую тонкую реакцию Гао Ту уже не в первый раз.

Когда он контактировал с Хуа Юном — неважно, игра это была или реальность, — или с кем-то еще, кто пытался приблизиться, Гао Ту всегда становился подозрительно тихим, стараясь свести свое присутствие к минимуму. Иногда, когда он подавал документы, его пальцы были холоднее обычного. Иногда частота его дыхания на долю секунды замирала.

Раньше Шэнь Вэньлан никогда не задумывался об этом, списывая всё на высочайший профессионализм Гао Ту — не вмешиваться в личную жизнь начальника вне работы.

Но теперь, когда эта крошечная реакция связалась с кошмаром, полным предательства, погонь и смерти, ошеломляющая догадка ворвалась в сознание Шэнь Вэньлана: неужели Гао Ту питает к нему чувства, выходящие далеко за рамки рабочих отношений, и скрывает их долгие годы? Настолько сильные, что они проецируются в снах в виде столь трагического финала?

На видеоэкране Шэн Шаою смотрел на них, и уголки его губ изогнулись в насмешливой,

холодной улыбке. Его взгляд скользил между Шэнь Вэньланом и близко стоящим Хуа Юном — эта сцена явно его заинтересовала. Цель Хуа Юна, казалось, была достигнута.

Но Шэнь Вэньлан сейчас чувствовал необъяснимое раздражение.

Он невозмутимо откинулся на спинку кресла, увеличивая дистанцию между собой и Хуа Юном, и произнес более холодным и жестким, чем обычно, тоном:

— Продолжаем совещание.

При этом его взгляд, тяжелый и полный невиданной доселе подозрительности, был намертво прикован к Гао Ту в углу.

— Секретарь Гао.

— Слушаю, господин Шэнь. — Гао Ту поднял голову, его взгляд был спокойным и встретил его глаза с профессиональной отстраненностью, словно та мимолетная реакция была лишь игрой воображения Шэнь Вэньлана.

Однако сердце Шэнь Вэньлана под этой маской спокойствия начало неконтролируемо учащенно биться.

В этот раз причина была не только в остатках кошмара. Он начал всерьез подозревать, что этот сон возник не на пустом месте. За идеальной маской, которую Гао Ту носил десять лет, возможно, скрывалась тайна десятилетней, отчаянной, безмолвной привязанности.

Если сон — это предзнаменование, то не начался ли отсчет трагедии с тех самых мелочей, на которые он никогда не обращал внимания — с этих крошечных реакций и терпения Гао Ту?

Шэнь Вэньлан почувствовал, как его мир, казавшийся незыблемым последние тридцать лет, дал трещину из-за этого сна и реакции Гао Ту.

Под этой трещиной скрывались чувства, которые он никогда не принимал всерьез, загадка истинной личности Гао Ту и отношения, давно свернувшие с верного пути.

<http://bllate.org/book/19762/1946114>